«Дорога впереди узкая, и повозки не могут проехать», — Гамилькар на мгновение задумался и объяснил. «Кроме того, в команде логистики в основном пожилые люди, женщины и дети. Они не смогут защитить эти вагоны. Они уже приложили все усилия, чтобы поднять их на гору».

"Это правда. Максимус смог организовать команду логистики и благополучно доставить эти припасы на гору, несмотря на наше поражение в битве и преследование римской армии. Это была непростая задача. Это действительно правильное решение — позволить ему возглавить команду логистики», — похвалил Спартак Максимуса, затем повернулся к другим гладиаторам и сказал: «Василис, вы остаетесь здесь с нашими братьями и охраняете нашу еду».

Василис, фракийский гладиатор, всегда доверявший Спартаку, немедленно подчинился приказу.

Пока другие гладиаторы остались, Спартак и Гамилькар продолжили восхождение. Через некоторое время они увидели, как сверху спускалась группа из более чем десяти человек.

Спартак с первого взгляда узнал в лидере гладиатора Фасела. Он повредил ногу при побеге из школы гладиаторов, но выздоровел после двадцати дней отдыха. Он был лидером десяти человек в команде Арторикса. Когда он увидел Спартака, его усталые глаза вдруг загорелись, и он почтительно воскликнул: «Командир Спартак!»

За ним стояли все недавно завербованные солдаты-рабы. Их головы были низко опущены, с безжизненными выражениями лиц, и они даже не удосужились взглянуть на Спартака.

Спартак заметил это и спросил: «Куда вы все идете?»

«Максимус просил кого-нибудь охранять еду в фургонах внизу, но никто не согласился. Только я… — несколько беспомощно сказал Фаселус, — Ну, поскольку у меня хорошие отношения с Максимусом, я не мог отказаться.

Кажется, Максимус не все учел… Спартак подсознательно взглянул на Гамилькара, затем сказал: — Тебе не нужно спускаться. Я уже попросил Василиса и других охранять его.

Услышав это, Фаселус сразу оживился и обратился к остальным со словами: «Братья, нам не нужно спускаться. Давай поднимемся и отдохнем».

Остальные обернулись с облегчением, но не удосужились ответить.

Спартак еще сильнее нахмурил бровь.

На повороте горной тропы Фаселус крикнул вперед: «Командир, дорога впереди круче. Будь осторожен. Мы были слишком запаникованы, когда подошли раньше, и… некоторые из наших братьев упали…»

После того как армия повстанцев обосновалась в небольшом винограднике, Спартак лично обследовал окружающую местность. Он тоже ходил по этой горе и не чувствовал, что пройти ее особенно трудно, но слова Фазелуса потрясли его. Затем он почувствовал боль в сердце, молча следуя за Фазелем и его группой по «самому крутому» участку горной тропы, достигая убежища для разбитых солдат-повстанцев.

Это было плато на вершине горы, окруженное грубыми и неровными скалами. В центре лежал слой густой темно-коричневой почвы. Неудивительно, что благодаря обильному солнечному свету здесь был разбит виноградник.

Однако деревянные навесы, закрывавшие горный ветер, были снесены, а виноградных решеток нигде не было видно. Не было ни пышных зеленых листьев, ни тяжелых гроздей винограда, только плотно сгруппированные солдаты-повстанцы. Они сидели толпой на земле, одни опираясь друг на друга и засыпая от изнеможения, другие хватаясь за раны и беспрестанно стоная, а некоторые с унылым выражением лица молча проливали слезы... Каждый из них был уныл и деморализован. Когда Спартак вошел в это место, более половины людей оставались неподвижными, словно деревянные скульптуры, как будто предводителя повстанческой армии не существовало.

Только трое вождей, Крикс, Эномай и Арторикс, сидевшие на краю плато, встали. И из густой толпы протиснулся Максимус, находившийся в самой внутренней части плато.

«Сколько нас осталось?» Спартак первым задал вопрос, который его больше всего волновал.

— Максимус только что сделал для меня грубый подсчет. Здесь около 1400 человек, в том числе 170 человек из команды логистики, — даже Крикс, обычно полный боевого духа, не мог не чувствовать себя уныло. «Среди этих людей более 200 ранены, и в краткосрочной перспективе для них может оказаться невозможным снова сражаться…»

Спартак почувствовал в своем сердце печаль. До начала сражения армия повстанцев насчитывала более 4000 человек, но после битвы три четверти из них исчезло. Те, кто не был на горе, либо погибли в бою, либо попали в плен, либо бежали куда-то...

Спартак покачал головой, на время отбросив свое горе, и спросил с серьезным выражением лица: «Сколько гладиаторов было ранено или убито?»

«Включая Василиса и остальных, оставшихся на полпути к горе, их еще 163…» Крикс, волевой галл, также выказал чувство печали. «Будовиль, Найджел, Виберт… они погибли в битве с римлянами… Я видел это своими глазами…»

Все имена, упомянутые Криксом, были галльскими гладиаторами и его близкими друзьями.

Спартак крепко похлопал его по плечу, успокаивая.

«Спартак, римляне строят лагерь у подножия горы, пытаясь заманить нас здесь в ловушку. Что нам теперь делать?!" — обеспокоенно вмешался Арторикс. Они могли видеть ситуацию внизу с плато.

«Давайте воспользуемся тем, что римляне еще не закончили рыть окопы. Мы должны вместе атаковать их и нанести на них внезапную атаку. Мы определенно сможем прорвать их окружение!» - громко сказал Эномай.

«У нас есть немного еды, но нам не хватает воды. Если нас окружат римляне на три-четыре дня, мы все умрем от жажды. Лучше поступить так, как предлагает Эномай. После того, как все отдохнут, мы спустимся с горы и сразимся с римлянами!» — сказал Крикс сквозь стиснутые зубы.

Арторикс, хотя и не говорил, ясно выразил свое согласие выражением лица.

Кажется, эти трое заранее пришли к консенсусу… Спартак на мгновение заколебался. Римляне, строящие лагерь у подножия горы, не обошлись без мер предосторожности, неподалеку стояли на страже их регулярные войска. Предыдущей атаке численностью более 4000 человек не удалось прорвать линию противника. Теперь, вести эту тысячу с лишним деморализованных солдат в атаку вниз с горы, это было просто рискованно их жизнями! …Однако, если бы они не сделали этого и позволили римлянам окружить себя и поймать себя в ловушку на горе, стали бы они просто ждать смерти с широко открытыми глазами?

Спартак оказался перед дилеммой. Как раз в тот момент, когда он собирался сказать: «Дайте мне еще раз подумать», он внезапно услышал подбежавшего Максимуса: «Римляне не смогут заблокировать нас, если мы сможем спокойно спуститься с горы».

«Тихо спуститься? Как?" Крикс, услышав это, пришел в ярость. «Эта гора окружена скалами со всех сторон, кроме этой. Некуда ступить. Мечтать – единственный способ спокойно спуститься с этой горы! Если бы ты не возглавил команду логистики на эту гору, а солдаты последовали за ней, мы бы вообще не оказались в ловушке на этой горе!»

— Крикс, если бы Максимус не повел паникующих солдат на гору, мы, возможно, все еще были бы в бегах прямо сейчас. Для нас было бы невозможно находиться здесь и обсуждать, как прорваться, — тут же защитил Максимуса Гамилькар.

«По крайней мере, таким образом у нас все еще будет шанс сбежать. Мы бы не ждали здесь смерти, как сейчас!» - возразил Крикс.

«Хватит спорить!» Спартак нетерпеливо крикнул, затем посмотрел на Максимуса голосом, полным предвкушения и напряжения. Он спросил: «Что вы подразумеваете под «тихим спуском с горы»? Есть ли другой путь вниз?

"Есть конечно!" Максимус уверенно посмотрел на всех и, наконец, его взгляд упал на Крикса.

Он сказал глубоким голосом: «Вы были правы только что. Кроме этой стороны, гора окружена скалами. Расстояние до земли слишком велико, что затрудняет спуск. Но это не невозможно! Я принес несколько крепких веревок. Хотя они недостаточно длинные, чтобы достичь дна, если объединить их, виноградных лоз здесь много. Некоторые из старых лоз очень сильны. Соединив их веревками, мы сможем спуститься отсюда на землю. Более того--"

Максимус указал на восточный утес и подчеркнул: «Я осмотрел местность там. Есть два гребня, которые достигают земли вертикально. Некоторые скалы между хребтами можно использовать в качестве плацдармов. Мы можем скатиться вниз по веревкам, используя скалы в качестве опоры. Мы должны быть в состоянии плавно достичь дна. И эта сторона отделена горой от лагеря, который строят римляне. Вряд ли они заметят наши действия».

Слова Максимуса вызвали скепсис у Спартака, но вновь обретенная надежда оживила его. Он повернул голову и громко сказал остальным лидерам: «Пойдем, давайте все пойдем и посмотрим!»

http://tl.rulate.ru/book/106426/3885383